

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КАННИНГА И ГРЕЧЕСКИЙ ВОПРОС (1822—1827)

О. Шнаре

Внешняя политика Каннинга освещена в исторической литературе довольно подробно. Особое внимание ей уделяли в своих общих работах буржуазно-либеральные историки — Алев, Дебидур, Файф, Дрио и Леритье, Изамбер¹ и др. Их интересовала главным образом борьба Каннинга против господствовавшей в Европе реакционной системы Священного союза, но положительно оценивая его деятельность в этом направлении, многие из них заходили слишком далеко, произвольно делали заключение, что Каннинг всегда проводил «политику свободы», говорил «языком свободы» и что Греция и страны Южной Америки обязаны своей независимостью чуть ли не одному только этому политическому деятелю.

Идеализация Каннинга, особенно заметная в работах его личного секретаря и страстного почитателя Августа Гревилля Стаплетона², который опубликовал дипломатические документы, письма и выдержки из речей этого министра, была подхвачена и развита выдающимся представителем официальной британской историографии, проф. Гарольдом Темперлеем в его книге о Каннинге³. Здесь эта идеализация приняла характер официальной защиты основных направлений английской дипломатии XIX века. Изображение Каннинга, являвшегося, по определению Темперлея, основоположником и корифеем новой британской внешней политики, бескорыстным борцом с реакционными идеями Священного союза должно было привести к выводу о том, что завоевание английской буржуазией новых рынков, новых стратегических позиций и новых колоний совершалось в целях защиты угнетённых народов и диктовалось стремлением к их освобождению.

Эта тенденция с готовностью подхвачена и современной английской консервативной школой, которая упорно приписывает честь освобождения Греции от власти турецкого деспотизма целиком британской дипломатии. Однако при изучении источников, главным образом мало разработанных материалов русского архива министерства иностранных дел, английская дипломатия этого периода и особенно политика Каннинга и его преемников в греческом вопросе выступает в совершенно ином свете.

Каннинг был выдающимся дипломатом, типичным представителем британского буржуазного национализма начала XIX века. Стремясь обеспечить интересы английской буржуазии во всех частях земного шара, он умело пользовался преимуществами политической ситуации: не боялся выступать в защиту национально-освободительных движений, когда этого требовали интересы Англии и разрешала дипломатическая обстановка, но в большинстве случаев придерживался политики выжидания, нейтралите-

¹ Halévy E. «Histoire du peuple anglais au XIX siècle». T. I. Paris. 1912; Debidour A. «Histoire diplomatique de l'Europe». T. I. Paris. 1891 (Дебидур «Дипломатическая история Европы». М. 1947. Fülle Ch. «A history of modern Europe». T. II. London. 1891—1892) (Файф «История Европы XIX века». СПб. 1904); Driault E. et M. Lheritier «Histoire diplomatique de la Grèce». T. I—II. Paris. 1925; Isambert G. «L'indépendance grecque et l'Europe». Paris. 1900.

² Stapleton A. «Political life of Canning». T. I—II. London. 1831—1832; «G. Canning and his time». London. 1856.

³ Temperley G. «Foreign policy of Canning». London. 1925.

та, компромисса и всегда отдавал предпочтение конституционной монархии перед республикой⁴.

В своих речах в палате общин и перед избирателями в Ливерпуле он заявлял, что курс его внешней политики направлен на дипломатическое усиление Англии, на то, чтобы поднять её престиж до уровня арбитра Европы. С этой позиции он вёл упорную борьбу с господством в Европе феодально-монархического Священного союза, который, взяв на себя руководство всей европейской дипломатией, начал серьёзно угрожать самостоятельности английской политики и грозил свести роль Англии к роли пособника в проведении русско-австрийских планов.

Первым ударом, который Каннинг нанёс «священной теории легитимизма», было признание Англией независимости южно-американских государств; вторым — политика Каннинга в греческом вопросе, приведшая к началу распада Священного союза. Заметим при этом, что смелость и решительность, с которыми Каннинг покончил с южно-американским вопросом, объясняются отсутствием здесь у Англии сколько-нибудь серьёзного противника. Испания, раздираемая внутренними распрями и наводнённая французскими войсками; Франция, увязшая в испанских делах; Соединённые Штаты Америки, ещё слишком слабые в экономическом отношении, чтобы противостоять Великобритании — «мастерской мира» и «владычице морей»; Россия и Австрия, мало заинтересованные в южно-американских делах, — вот те силы, с которыми имел дело Каннинг. Экономическое превосходство Англии и её господство на море заранее обеспечивали ей главную роль в молодых южно-американских республиках. И не было силы, способной помешать ей овладеть в них теми экономическими и политическими преимуществами, которых так добивалась, и отчасти уже имела, английская буржуазия.

Совсем иначе обстояло дело с Грецией. История дипломатической борьбы за освобождение Греции самым решительным образом опрокидывает миф о Каннинге, как о «покровителе» и «освободителе» угнетённых народов. В сложной дипломатической борьбе, развернувшейся в связи с греческим восстанием, политика Каннинга отражала все те опасения и колебания, которые уже тогда вызывал в Англии вопрос о начавшемся разложении Османской империи и дележе её богатейшего наследства. Руководящей нитью политики Каннинга в восточном вопросе (как до него у Кестльри) явилось стремление предотвратить рост русского могущества и распространение влияния России на Балканах и Средиземном море. Появление в проливах и в водах Средиземного моря такой могущественной военной державы, как Россия, естественно, тревожило английскую дипломатию. Август Гренвилль Стаплетон, знавший все самые скрытые мысли Каннинга, подчёркивает большое значение именно этих опасений.

Неделимость Османской империи, по старой традиции, считалась верным оплотом того самого «balance of power» в Европе, который не позволял ни одной из континентальных стран стать главенствующей политической силой. Эта неделимость была также надёжной охраной английских интересов в Турции и на пути к азиатским рынкам.

Русский посол в Лондоне граф Ливен в своём донесении от 10 января 1822 г. писал: «Все партии сходятся на том, что, согласно интересам английского народа, сохранение Османской империи будет успехом, а её падение — поражением. Вот почему и те и другие сходятся в общих опасениях насчёт русской политики, хотя и основываются на различных соображениях»⁵.

⁴ Так, например, готовясь к признанию южно-американских государств, он послал английским консулам в Мексике и Бразилии инструкцию о поддержании проектов устроения монархий во главе с местным королём, вроде Итурбиде; в Греции Каннинг готовился посадить на престол герцога Саксен-Кобургского.

⁵ Маргенса. Собрание трактатов. Т. XI, стр. 324.

Первые годы своего управления министерством иностранных дел Каннинг также стоял за неделимость султанских владений и не скрывал, что в основе его деятельности на Востоке было желание предотвратить русско-турецкую войну, которая могла бы привести если не к полному развалу Османской империи, то, во всяком случае, к значительному усилению позиций России. Соответственно с этим восточная политика Каннинга была направлена по двум путям. Главное внимание он уделял искусной дипломатической борьбе за примирение России с Турцией и за возможно более длительное затягивание переговоров между этими двумя странами до тех пор, пока Англия не покончит с южно-американским вопросом и пока борьба противоречивых интересов внутри Священного союза при помощи английской политики постоянного противодействия не приведёт русского императора к выходу из этого союза и к поискам новых коалиций.

По мере развития греческого восстания, когда выяснилось, что Греция стала уже сильным политическим фактором, Каннинг становится на другой путь — путь осторожного поощрения греков, не теряя дружбы с султаном и не прекращая уверять его в готовности Великобритании защищать неделимость его владений. Но это поощрение, как увидим ниже, являлось со стороны английского правительства поощрением чисто моральным, не выходящим за пределы пресловутого английского «невмешательства» и нейтралитета. Оно было скорее перестраховкой на случай победы греков, чем какой-либо действительной помощью им.



Разрыв Россией дипломатических отношений с Турцией в июне 1821 г., упорное стремление Александра I получить согласие европейских держав на одностороннее вмешательство в возможно короткий срок в греко-турецкую войну и на установление автономии Греции силой русского оружия вызвали стремление английской дипломатии ликвидировать создавшийся конфликт. Перед послом Англии в Константинополе лордом Странгфордом, монархистом и яростным противником греков, Каннинг поставил трудную задачу — во что бы то ни стало предотвратить русско-турецкую войну. Именно поэтому лорд Странгфорд, подавляя в себе ненависть к «греческим мятежникам» и неприязнь к России, в течение трёх лет на многочисленных конференциях и аудиенциях упорно пытался убедить членов Дивана в необходимости выполнить требования русского ультиматума — дать христианам свободу вероисповедания и установить автономию Греции добровольно, единым актом самого султана.

Эти переговоры лорда Странгфорда действительно в течение трёх лет удерживали Александра I от войны. Они страшно затягивали разрешение вопроса и обеспечивали, с одной стороны, достаточно времени Наполею для подавления греческого восстания, с другой, — парализовали действия России, они давали возможность Каннингу обратить всё своё внимание на дела Южной Америки.

Несмотря на то, что турки пошли на некоторые уступки России, лорд Странгфорд так и не добился отправки русского посла в Константинополь. Единственный вопрос, в котором лорд Странгфорд по приказу Каннинга проявил настоящую оперативность и максимум энергии, был вопрос, связанный с кровными интересами британской торговли. С самого начала греческого восстания Россия требовала прекращения притеснения турками русской морской торговли и восстановления существовавшей издавна свободы прохода через проливы торговых судов таких стран, как Испания, Португалия, Сицилия и Греция. Для русской черноморской торговли хлебосольная посредническая деятельность греческого судоходства играла решающую роль, так как основная масса русских товаров перевозилась на

средиземноморские рынки на греческих судах. После выхода в свет фирмана султана, установившего особые привилегии для торгового судоходства Османской империи (апрель 1823 г.) и уничтожившего право греческих судов плавать под русским флагом, Нессельроде отправил Странгфорду особую ноту от 7 мая 1823 г.⁶, в которой от имени императора выражал крайнее недовольство новым навигационным фирманом султана и заявлял о невозможности примирения с Портой, прежде чем не будут полностью устранены все эти нарушения договоров.

Странгфорд запросил у Каннинга инструкции и получил приказание действовать самым энергичным образом. Нота английского посланника к реис-эффенди от 11 августа 1823 г.⁷ — одна из самых решительных нот на какие только был способен этот «примиритель». Правда, она никоим образом не выходит за рамки «уговоров», но язык её уже более энергичный, чем язык, которым Странгфорд до сих пор разговаривал с турецкими министрами на конференциях. Уговаривая Порту уступить русским требованиям, английский посол пригрозил ей даже войной Великобритании и всей Европы, если она не устранил препятствий в морской торговле. Порта согласилась на создание смешанной англо-турецкой комиссии для выяснения и упразднения злоупотреблений, практиковавшихся турецкими властями в системе черноморской навигации.

10 сентября 1823 г. комиссия от имени реис-эффенди доложила английскому послу, что, не считая возможным согласиться на проход через проливы судов держав, не имеющих с ней договоров, под чьим-бы то ни было флагом, Порта, однако, согласна разрешить свободный проход кораблям дружественных держав на основе особой взаимной договорённости⁸.

С необычной для себя быстротой справившись с этой сложной задачей (проблема была разрешена в течение месяца), лорд Странгфорд с торжеством писал Нессельроде 22 сентября, что отныне устранены всякие затруднения по линии навигации и торговли в Чёрном море и что переговоры увенчались успехом, который полностью совпадает с требованиями России⁹. Однако он не упомянул о том, что этот успех значительно больше совпадал с интересами Англии, чем с требованиями России. Историки, исследовавшие восточный вопрос этого периода, не задавались целью выяснить, чем было вызвано это «бескорыстное» старание Странгфорда уладить русские морские дела. Они не обратили внимания на одно письмо лорда, адресованное Каннингу, найденное в венском архиве и напечатанное в сборнике документов Прокеш-Остена ещё в 1867 году¹⁰. Это письмо датировано 5 октября 1822 года. В нём английский посол пишет, что он не может рассматривать вопрос о черноморской навигации как касающийся чисто русских интересов и должен выступить здесь в защиту интересов английских. Исключение из торгового мореплавания через проливы кораблей упомянутых держав необычайно благоприятно отразилось на торговле Англии и частично Австрии. Россия же не должна жаловаться, пишет лорд: её торговля очень мало пострадала от этих постановлений Порты, так как она ведётся теперь при посредстве кораблей других стран, в частности Англии, Ионических островов и Австрии. «Английская и ионическая навигация почти удвоилась в результате этих постановлений, а растущее процветание этой ветви нашей торговли таково, что я не могу осмеливаться вмешаться в это дело исключительно с точки зрения русских интересов, если мне не будет специально приказано сделать это. При всём моём уважении к левантийским компаниям и британским факториям в

⁶ Prokesh-Osten «Geschichte des Abfalls der Griechen vom türkischen Reiche». Bd. IV, S. 10—11. Wien. 1867.

⁷ Ibidem, S. 36—41.

⁸ Архив Министерства иностранных дел (МИД). Канц. 1823, 6922, стр. 260—265.

⁹ Там же, стр. 239—240.

¹⁰ Prokesh-Osten. Op. cit. Bd. III, S. 431—436.

Константинополе и Смирне, я не могу предположить, что они меньше, чем другие коммерческие предприятия, расположены к возмущениям и жалобам, и я почти уверен, что одна попытка препятствовать их возрождающейся и сильно растущей торговле может привести к сильным протестам с их стороны»¹¹.

К сожалению, нам не удалось найти ответ Каннинга на это письмо. Но, судя по результатам переговоров Странгфорда, взгляды министра иностранных дел на этот вопрос вполне совпадали с мнением константинопольского посла, а действия их обоих диктовались интересами левантской компании и британских факторий в Константинополе и Смирне. Ясно, что «взаимная договорённость» с «дружественной державой», упоминаемой в отчёте англо-турецкой комиссии, не замедлила осуществиться. Итак, во имя интересов английской торговли Каннинг легко пожертвовал греческой навигацией в Чёрном море, которая, не имея права действовать под русским флагом, была полностью уничтожена. Торговля русским хлебом переходила законным образом в руки английских negociants, а русское влияние на Грецию, осуществлявшееся частично через греческих моряков и торговцев, в значительной мере подрывалось.

Однако Александр I, желавший укрепить позиции России на Балканах и Средиземном море, не соглашался на примирение с Портой, прежде чем не будет установлена полная автономия Греции. В своём «мемуаре» от 9 января 1824 г. он представил на рассмотрение держав проект будущего автономного устройства Греции и требовал от Священного союза созыва специальной конференции в Петербурге, которая, по его мысли, должна была дать ему «коллективное согласие» держав на установление этой автономии силой русского оружия.

Последней попыткой Каннинга удержать Россию от войны с Турцией и ещё дольше затянуть дело являлась политика в отношении этой конференции держав в Санкт-Петербурге. Не признавая ни Священного союза, ни его права как «правительства мира» давать санкции тем или иным державам на осуществление их планов, Каннинг не желал участвовать в предполагаемой конференции, чтобы этим участием не поощрить Россию к действию. Но полностью отказаться от этого участия он тоже не хотел и поэтому попробовал использовать эту последнюю возможность для новых проволочек в надежде найти новые пути для примирения России с Турцией. «Лучше всего для нас было бы,— писал Стаплетон,— или отсрочить конференцию или чтобы она произошла, но окончилась ничем»¹².

15 ноября 1824 г. Каннинг писал Гренвиллю: «Выиграть время и сделать перед императором России вид, что мы делаем что-то в отношении той же самой цели¹³, которую он хочет искать в войне, являлось для нас мотивом для того, чтобы не отнимать у его императорского величества желания консультироваться с его союзниками. Но Вы увидите, насколько осторожно и сдержанно было наше поощрение и как были использованы для промедления случайные события; надо признать, что это в настоящий момент служило нам превосходно»¹⁴.

Таким образом, вплоть до осени 1824 г., когда армия Ибрагима начала систематическое покорение Греции; когда был взят (в начале августа) остров Псара, из семи тысяч жителей вырезано и отправлено в рабство четыре; когда Ибрагим, соединившись с турецким командующим Косревопашой, на 100 кораблях готовился высадиться в Морею и покорить её «огнём и мечом», — даже и тогда английское правительство, возглавляемое Каннингом, старалось отложить в долгий ящик решение вопроса о гибнувших греках и предоставить турецко-египетским войскам возможность восстановить неделимость Османской империи.

¹¹ Prokesh-Osten. Op. cit. Bd. III, S. 434.

¹² Stapleton «Political life of G. Canning». Vol. II. p. 419, 462.

¹³ То есть в отношении хотя бы частичного освобождения Греции.

¹⁴ Stapleton «G. Canning and his time», p. 459.



Когда греческое национальное собрание в Эпидаре выработало республиканскую конституцию, образовало временное правительство во главе с знаменитым Маврокордато и выпустило декларацию независимости (апрель 1822 г.), надежды реакционеров Священного союза, возглавлявшихся князем Меттернихом, на быстрое подавление восстания сильно колебались. Военные успехи греков на суше и неизменные поражения турецкого флота от значительно более сильного и искусного флота греков, необычайный героизм и самоотверженное сопротивление населения многочисленным попыткам турецких войск утопить революцию в крови доказали всему миру, что Греция к 1823 г. стала настолько сильным политическим фактором, что с её существованием нельзя было не считаться.

В марте 1822 г. временным правительством Греции была объявлена блокада всех портов от Эпира, Пелопоннеса, Фессалии и Эвбеи до Салоник. Все корабли иностранных держав, заходившие в эти порты и гружённые боеприпасами, подлежали захвату. Морская война, охватившая Эгейское и Ионическое моря, подвергала опасности средиземноморские торговые пути европейских держав и, главным образом, Англии. Это вызывало серьёзные опасения английского коммерческого мира. В газетах и в парламенте не раз раздавались протесты против притеснений и убытков, которые греческие корсары наносили английским торговым судам. Вследствие этого первой и непосредственной задачей английского министра иностранных дел была охрана средиземноморского торгового судоходства, установление на путях к азиатским рынкам такого положения, которое гарантировало бы спокойствие морской торговли.

Когда надежды на быстрое подавление восстания силами самого султана не оправдались — греческое восстание разрасталось, а турецких сил оказывалось явно недостаточно, — Каннинг объявил о нейтралитете Англии в греко-турецкой войне. В особых инструкциях капитанам английских кораблей в Средиземном море он предписал строгое соблюдение этого нейтралитета по отношению к двум воюющим странам, а вслед за этим, 25 марта 1823 г., официально признал блокаду, объявленную греками год назад. Это было равносильно признанию греков воюющей стороной и признанию всех прав Греции как воюющей нации. Поднялась целая буря возмущения, и не только в среде сторонников легитимизма и Священного союза во главе с Меттернихом, но также и в среде английских тори, ярых сторонников принципа неделимости Турции. Для них греки являлись мятежными подданными султана, рабами, восставшими против своего господина. Легенда о Каннинге как о революционере идёт именно от этих людей и от Меттерниха, ибо для них всякое слово, не воспевавшее легитимизм и существующий статус кво мира и всякое политическое действие, совершённое не от имени Священного союза, было революционной крамолой, внушаемой деятельностью тайных обществ. Однако у страха реакционной Европы глаза были слишком велики. От признания греков воюющей стороной было весьма далеко до признания независимости Греции. По существу это было лишь определённой мерой для защиты английского торгового судоходства, вовсе не предполагавшей поощрения греческого революционного движения. Каннинг сам очень ясно объяснил это. В инструкции английскому послу он предписывал довести до сведения Дивана следующее: «Известная степень силы и устойчивости, достигнутая массой населения, участвующей в войне, даёт ему право называться воюющей стороной, и если даже это название является спорным, то для всех цивилизованных наций всё-таки представляет вполне понятный интерес именно так называть её. Потому что, какова альтернатива? Государство или общество (как бы оно ни было названо), находящееся в войне с другим, которое покрывает море свои-

ми крейсерами, может быть признано или воюющей стороной или пиратами»¹⁵. Далее в инструкции говорилось, что считать пиратами население, исчисляющееся в сотни тысяч человек, не имеется никакой возможности даже с «точки зрения естественного закона самозащиты», так как к этому населению в целом нельзя применить никаких эффективных репрессий за ущерб, который его корабли наносят навигации иностранных держав.

Признание греков воюющей стороной давало англичанам возможность ввести действия военных кораблей обеих сторон в известные законные рамки. Так, Англия признала необходимым создание греческих военно-морских трибуналов, без особого рассмотрения которых не могла производиться конфискация грузов иностранных кораблей. Таким образом мог быть устранён произвол греческих моряков, которые часто под видом конфискации военной контрабанды нападали на торговые суда, нисколько в ней не повинные.

Объявленный Англией нейтралитет был в действительности нейтралитетом в отношении обеих сторон и предусматривал только охрану английских интересов. Однако по мере расширения греческого восстания становилось ясным, что Греция могла вырасти в самостоятельную политическую единицу и что от неё в будущем могли зависеть многие торговые и стратегические интересы держав. Отсюда стремление Каннинга завоевать доверие греков и сделать Великобританию державой-покровительницей, которая могла бы превратить автономную Грецию в свою стратегическую базу на Средиземном море. Но это стремление встречало серьёзные препятствия. Каннинг прекрасно понимал, что Греция — не Южная Америка и что прямое покровительство грекам могло повлечь за собой решительные действия со стороны России и осуществление угрозы русско-турецкой войны, в результате которой Россия имела возможность добиться несравненно больших привилегий и в проливах, и на Дунае, и в Греции, чем Англия своим покровительством грекам. Этим и объяснялась очень осторожная, лабирующая политика Каннинга. Стремясь заручиться симпатиями греков на случай их победы, он смотрел сквозь пальцы на широкий размах филэллинизма в своей стране и допускал всевозможную частную помощь грекам. Но в то же время до апреля 1826 г. он не сделал ни одного решительного дипломатического шага, чтобы действительно, именем британского правительства, помочь грекам в их борьбе за независимость, и, наоборот, употреблял все усилия, чтобы помешать России оказать Греции необходимую немедленную вооружённую помощь.

Такая политика в значительной степени поддерживалась и питалась отношением к этому вопросу английского «среднего класса» — торговых компаний, негодяев, судовладельцев и банкиров, связанных со средиземноморской торговлей и субсидировавших её. Опасения роста русского могущества заставляли лидеров оппозиции относиться к греческой проблеме весьма сдержанно. Достаточно сказать, что вопрос о независимости Греции в отличие от вопроса о независимости Южной Америки, которым буквально заполнены сессии парламента 1821 и 1823 г., до 1828 г. вообще не ставился на обсуждение палат.

Принято считать особой заслугой английской буржуазии перед Грецией, что она дала неокрепшему греческому правительству два займа, а особой заслугой Каннинга, — что он разрешил дать эти займы. Действительно, в июне 1823 г. глава греческого временного правительства Маврокордато послал в Лондон двух депутатов: Иоанна Орландоса и Андрея Лурнотиса — с просьбой от имени греческого правительства о займе. 21 января 1824 г. они заключили с банкирами Лугманом и О'Бриеном договор о займе в 800 тыс. ф. стерлингов. Через год,

¹⁵ Stapleton «Political life of Canning». Vol. II, p. 410—411.

в марте 1825 г., им был дан новый заём банкиром Рикардо в сумме 3 млн. ф. стерлингов. Оба займа были даны под залог национальных богатств будущего греческого государства, и в 1826 г. особым указом были признаны государственным долгом Греции, что поставило её в прямую финансовую зависимость от Англии.

Итак, займы были даны, и Англия вместе с новыми симпатиями греческого народа получила весьма прочное основание для своего будущего влияния в Греции.

Казалось бы, что и для греков было очень большой удачей получить крупные суммы денег в тот самый момент, когда они в них остро нуждались.

Этот факт, имевший такое большое значение для поддержания престижа Англии в Греции, не имел, однако, того непосредственного реального результата, которого от него ждали истощённые, измученные пятилетней войной греки, гибнувшие тысячами на полях сражений за свободу своей родины. Займы английской буржуазии принесли грекам очень мало пользы.

В литературе мы нигде не находим никаких подробностей о судьбе этих английских займов; констатируется лишь тот факт, что они были даны и явились следствием новой «радикальной» политики Каннинга. На вопрос, на что пошли эти займы, как они были использованы, никто из историков ответа не дал. Однако на страницах английских газет того времени, хотя бы «Таймса», мы найдём поразительные факты.

Орландос и Луриотис, посланцы революционных греков, должны были употребить значительную часть английских займов на постройку новых кораблей, закупку оружия, военного снаряжения и боеприпасов. При помощи лондонского филантропического комитета, возглавлявшегося другом Байрона генералом Стенгопом, греческие депутаты заключили договоры с различными английскими фирмами на поставку оружия и постройку кораблей. Шесть кораблей должны были строиться в Англии на известных верфях Галлоуея; два были заказаны в Америке. Летом 1825 г. греческие депутаты заключили договор с лордом Кохраном о том, что он поедет в Грецию и в качестве адмирала возьмёт на себя командование этими шестью кораблями, к которым в Греции присоединятся другие. На снаряжение и вооружение этой экспедиции было заплачено из полученных по английскому займу денег 160 тыс. ф. ст. и лично Кохрану вперёд — 37 тысяч¹⁶.

Однако постройка кораблей для Греции производилась чрезвычайно медленно. Они не были готовы ещё осенью 1826 г., между тем как, по сообщениям газет, строявшая их судостроительная компания продавала на сторону уже готовые новые корабли¹⁷.

Посланный в Америку для покупки фрегатов генерал Лиллеман не купил их (требовалась ведь срочность), а заказал и настолько перерасходовал все суммы, что один фрегат пришлось продать, а другой, после очень длительной задержки, лишь к началу 1827 г., был послан в Грецию. Лорд Кохран, на которого греки возлагали столь большие надежды, что ещё до прибытия в Грецию назначили его главнокомандующим всех греческих морских сил, собирався в поход необычайно медленно. В Навилию он прибыл 16 марта 1827 г. с весьма небольшими средствами и лишь с тремя небольшими кораблями. Это было уже слишком поздно, чтобы оказать грекам действительно реальную помощь.

Как сообщает «Таймс» 5 сентября 1826 г., в начале сентября в Лондоне происходило заседание акционеров второго греческого займа, под председательством Стенгопа. На заседании были подсчитаны расходы по займу. Оказалось, что из первой части (1200 тыс. ф. ст.) в Грецию

¹⁶ «Journal des debat's», 1 juillet 1826.

¹⁷ Ibidem, 6 septembre.

пошло лишь 209 тыс., 155 тыс. было заплачено за два фрегата, заказанные в Америке, 160 тыс. пошло на экспедицию Кохрана, 64 тыс. (по представлению Рикардо) — на продовольствие для Греции. Расходы остальной суммы выснить не удалось. Английские банковские дельцы, пытаясь отвести от себя подозрение, обвинили в тёмных махинациях греческих депутатов. Никаких доказательств виновности последних найдено не было, и вся ответственность за растрату 600 тыс. ф. ст. пала, главным образом, на англичан. Однако доказать их виновность не удалось, и дело было замято.

Так или иначе, но реальной помощи от английских займов Греция в самый острый момент своей борьбы получила очень немного. Главная помощь грекам оружием, снаряжением, продовольствием и добровольцами исходила от парижского филэллинистического комитета, который возглавлялся и поддерживался, главным образом, либеральными кругами, оппозиционными реакционному правительству Вилле и Карла X и от женевского комитета под руководством банкира Эйнара, близкого друга Каподистрия, жившего тогда в Женеве, но тесно связанного с русским обществом и русской внешней политикой.

Не имея возможности в рамках настоящей статьи останавливаться на глубоком анализе филэллинизма — движения сочувствия национальному освобождению поработщённых народов, — мы ограничимся лишь указанием на то, что Каннинг очень умело использовал и направлял это движение в русло своей восточной политики. Филэллинизм помогал ему заручиться доверием греков и в то же время как движение частного порядка позволял перед лицом Европы и Турции изображать Англию как страну, соблюдающую строгий нейтралитет в греко-турецкой войне.

Не случайным явился и тот неоспоримый факт, что английский филэллинизм возник значительно позже французского, развивался чрезвычайно медленно и что расцвет его падает не на годы пламенных призывов и героической смерти Байрона (как считают некоторые историки), а на 1826 и 1827 годы, когда в восточной политике Каннинга произошёл перелом в сторону более радикального разрешения греческого вопроса. Английский филэллинизм был вполне лояльно настроен по отношению к правительству, никогда не выступал в парламенте в защиту греческой независимости (как это было во Франции), и его выступления в печати никогда не были столь резкими и враждебными правительству, как выступления французских защитников греков. Отношение же в целом английского общества к греческому вопросу очень чётко охарактеризовала в своём дневнике жена русского посла в Лондоне, княгиня Ливен, женщина, имевшая большие политические связи в английском обществе и знавшая все течения и партийные настроения, господствовавшие в нём: «Вопрос, не популярный среди тори, очень популярный среди либералов, поддерживаемый разумно, но без большой горячности вигами»¹⁸. Каннинг, по её же определению (она его лично прекрасно знала), был «слишком либеральным, чтобы быть приятным тори, и слишком тори, чтобы внушить истинное доверие вигам». В данном вопросе Каннинг сумел, однако, внушить «истинное доверие» вигам, проводя его именно так, как они хотели: «разумно, но без большой горячности».

Итак, в этот период Каннинг не ставил решительно вопрос о независимости Греции и больше всего был склонен к компромиссу с Портой. Но ко времени появления на свет русского мемуара об умиротворении Греции (9 января 1824 г.) он считал уже, что создание из Греции автономного государства, находящегося под сюзеренитетом такого слабого, дружественного Англии государства, как Турция, является для британ-

¹⁸ «The Unpublished Diary and Political Sketches of Princess Lieven», p. 130. London 1925.

зой политики наиболее удачной комбинацией. После внимательного рассмотрения русского «мемуара» Каннинг сообщил Ливену, что он одобряет его основную мысль и что Англия готова на этих основаниях начать переговоры с Россией, если воюющие стороны примут «мемуар» за основу для совместной медиации между ними¹⁹.

12 августа 1824 г. греки послали Каннингу письмо, в котором призывали англичан помочь им в борьбе за полную, ничем не ограниченную свободу и просили Великобританию признать независимость Греции, как она только что признала независимость Южной Америки²⁰. На это Каннинг ответил посланием 1 декабря 1824 г.²¹, в котором, отказывая в признании независимости Греции, он заявлял, что Великобритания может предложить лишь своё посредничество между турками и греками для создания автономии Греции при сохранении верховной власти султана.

В беседе с греческими депутатами Орландосом и Лурнописом осенью 1825 г. Каннинг объяснил им мотивы такой политики: если Англия выступит на стороне греков, то это, во-первых, поставит под угрозу «обширные британские интересы во владениях султана», охраняемые договорами о дружбе с Портой, и, во-вторых, развяжет войну, в которую будут втянуты и «другие страны» (подразумевалась, конечно, Россия)²².

Как бы в подтверждение этого решения английское правительство через несколько дней после беседы Каннинга с греческими депутатами ещё раз особым указом короля подтвердило так называемый Foreign Enlistment Bill, под страхом тюремного заключения или штрафа запрещающий английским гражданам участвовать в борьбе, происходящей в других странах. Вслед за тем было запрещено в течение шести месяцев вывозить военные припасы из какого-либо порта Соединённого королевства²³.

Отношение Каннинга к рускому мемуару, с одной стороны, и его политика в отношении к грекам — с другой, ясно показывают, что начиная с 1825 г. он стремился к примирению враждующих сторон на основе установления автономии Греции. «До подписания Адрианопольского договора, — писал Маркс, — ни он, лорд Эбердин, ни герцог Веллингтон, следуя в данном случае примеру политики Каннинга, никогда не имели намерения создать из Греции независимое королевство, но хотели сделать её вассальным государством под сюзеренитетом Порты, приблизительно наподобие Молдавии и Валахии²⁴.

Каннинг ждал такого политического момента, когда всего удобнее будет осуществить это соглашение. В инструкции английскому послу в Петербурге Чарльзу Баготу он пишет, что так как обе стороны отказались принять русский план умиротворения Греции и заведомо не принимают медиации союзников на его основе, то необходимо отложить вопрос до того времени, пока «продолжающаяся борьба и взаимное истощение не приведут с течением времени одну или обе враждующие стороны к более разумному и сговорчивому состоянию ума»²⁵.

Отказ воюющих сторон от компромисса Каннинг использовал для нанесения ещё одного удара Священному союзу, мешавшему Англии достичь роли посредника и вершительницы судеб Европы. «Было недостаточно лишь отделиться от Союза, — писала княгиня Ливен, — необходимо было подорвать его в отношении других держав и, ослабив связи

¹⁹ Архив МИД. Канн. 1824, 6939, стр. 137.

²⁰ Stapleton «G. Canning and his time», p. 458.

²¹ Prokesh-Osten. Op. cit. Bd. IV, S. 129—131

²² Ibidem, S. 182.

²³ Stapleton «Political life of G. Canning». Vol. II, p. 444.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. X, стр. 90.

²⁵ Stapleton «Political life of G. Canning». Vol. II, p. 425.

между ними (внутри Союза), достичь новой и великой роли для Англии»²⁶.

Под предлогом отказа греков и турок от русского плана автономии Греции Каннинг не принял участия в петербургских конференциях и этим обрёк их на провал.

Отстранившись от коллективного обсуждения греческого вопроса, Каннинг предоставил греков их собственной судьбе. Он выжидал, с одной стороны, чтобы Александр I, оставшись лицом к лицу со своими континентальными союзниками, окончательно убедился, что он никогда не получит санкции Священного союза на разрешение Россией восточного вопроса, и, с другой, — чтобы греки ослабели настолько, что пошли бы на английское посредничество для достижения соглашения с Турцией.

После провала петербургских конференций, разрыва Александра I с Меттернихом и явного краха системы Священного союза, явившегося отчасти следствием систематического противодействия его планам со стороны Англии, Каннинг счёл, что его руки развязаны. Начиная с лета 1825 г. он прямо и решительно идёт на сближение с Россией. Его главной мыслью во всех последующих переговорах и соглашениях было связать русского императора такими обязательствами, которые могли бы предотвратить рост влияния России на Балканах и в Средиземном море.

Александр I, в последние месяцы своей жизни пришедший к выводу о необходимости решительного выступления для установления греческой автономии силой русского оружия, со своей стороны, прекрасно сознавал, что Англия никогда не допустит его действовать самостоятельно. Известно было также резко отрицательное отношение к русским планам как в Австрии, так и во Франции, и вследствие этого было невозможно единоличное выступление России. В то же время было совершенно ясно, что если бы удалось заключить союз с Англией на удовлетворительных для России условиях, то этот союз был бы непобедим для других заинтересованных держав и был бы могущественен перед лицом Порты. Он явился бы также единственной возможной политической комбинацией, способной разрешить греческую проблему в духе, приемлемом для обеих сторон. Поэтому в англо-русском соглашении были заинтересованы обе стороны, и к концу 1825 г., при помощи Ливенов, между двумя державами было установлено полное «взаимопонимание» относительно греческого вопроса.

Особенно быстро по пути к англо-русскому соглашению Каннинг пошёл после окончательного краха его посредничества между Турцией и Грецией. Стараясь обеспечить главенствующую роль Великобритании, он попытался использовать последнюю возможность отстранить Россию и поставить её «вне игры». Стратфорд Каннинг, вновь назначенный послом в Константинополь, по пути в столицу Турции вёл переговоры с греками и добился от них согласия на английское посредничество. Он получил инструкции всеми силами добиваться от султана согласия на переговоры с восточными при посредничестве Великобритании, которая должна была, по мысли Каннинга, выступать как арбитр и «умиротворитель». Получив согласие султана, Англия могла стать главной фигурой и в Турции, и в Греции, и в Средиземном море. Она могла в таком случае предотвратить русско-турецкую войну и в конце концов продиктовать свои условия.

В депешах константинопольскому послу Каннинг всё время подчёркивал, что Англия должна выступать как посредник между Турцией и Грецией — одна, «изолированно», как держава-покровительница, упол-

²⁶ «The Unpublished Diary...», p. 84.

номоченная греками урегулировать их дела²⁷. В случае успеха посредничества Каннинг мог добиться самой главной своей цели и, по выражению французского посла в Петербурге Ла Ферроне, «распространить своё исключительное влияние на единственное море, где оно ещё не установлено»²⁸.

Однако эти планы рухнули вследствие сопротивления султана. Он упорно не шёл ни на какие переговоры и уступки. С одной стороны, он прекрасно понимал, что Англия этим добивается исключительного преобладания в его владениях и в Греции, а с другой, — деятельное участие английского правительства во всех событиях внутренней жизни Порты приводило его к спокойной уверенности в том, что оно никогда не допустит Россию действовать самостоятельно. Даже угрозы со стороны Стратфорда Каннинга запереть и блокировать оттоманский флот не привели султана к соглашению.

Крах этих посреднических попыток Каннинга заставил его потопиться с заключением соглашения с Россией.

С начала 1826 г. все донесения Ливена наполнены сообщениями об изъявлениях чувств «искренней дружбы», «доверия» и «взаимопонимания», выразившихся ему Каннингом и королём²⁹.

Особыми симпатиями к русскому императору английский король проникся после окончательного подавления восстания декабристов. Он выразил Ливену соболезнование по поводу смерти Александра и нескрываемое восхищение молодым русским государем, который с такой «необычайной твёрдостью и мужеством» покончил с восстанием, чем «заслужил признательность всех иностранных государей и оказал самую большую услугу делу всех тронов»³⁰. Таким образом, к соглашению с Россией стали склоняться и постоянные оппоненты всех политических предприятий Каннинга — крайние тори и король. Симпатии к русскому монарху, вырывающему с корнем зло революции у себя дома, затмили их ненависть к греческим революционерам.

Главной задачей герцога Веллингтона, посланного в начале января 1826 г. в Петербург приветствовать от имени английского короля нового императора, была особая миссия — достичь соглашения по восточному вопросу. «Лучшим способом удержать его императорское величество от крайности было дать ему хорошо основанные надежды на выполнение его целей без войны»³¹, — записал Стаплетон мысль Каннинга.

13 января 1826 г. Каннинг писал Гренвиллю: «Я надеюсь спасти Грецию без войны, запугивая Турцию русской опасностью. Для предотвращения этой войны герцог Веллингтон является самым подходящим человеком»³².

Посылая в Петербург к «бригадиному генералу» Николаю прославленного героя Ватерлоо и британского военного корифея, Веллингтона, Каннинг имел в виду не столько сделать приятное Николаю, сколько развязать себе самому руки для положительного разрешения греческого вопроса. Герцог был, по выражению княгини Ливен, «туркистом с ног до головы», он ненавидел революционных греков, стоял за неделимость Оттоманской империи и за подавление греческого восстания силой. Он был также непримиримым противником Каннинга и перед королём, и в кабинете, и в палате лордов. Отправляя его, Каннинг оставался хозяином кабинета и короля и мог легко добиться их санкции на предлагаемое соглашение. В то же время — и это необходимо отметить

²⁷ Архив МИД. Канц. 1826, 6958, стр. 76—80, 116—139.

²⁸ Driault et Leritier. Op. cit. Vol. I, p. 208.

²⁹ Архив МИД. Канц. 1826, 6956, стр. 19 и др.

³⁰ Там же, стр. 468.

³¹ Stapleton «Political life of G. Canning». Vol. II, p. 466.

³² Stapleton «G. Canning and his times», p. 471.

особо — он надеялся, что известные протурецкие настроения герцога помогут сузить рамки греческих свобод, о которых будут вестись переговоры с русским императором, и предоставить Порте более широкий созеренит над самоуправляющимися провинциями³³. Когда в Петербурге начались переговоры по греческому вопросу, супруги Ливен употребили всё своё дипломатическое искусство, чтобы воздействовать на Веллингтона и провести в протоколе русскую точку зрения.

Николай I, вступив на престол, в беседах с дипломатическими представителями держав и с эрцгерцогом Фердинандом, посланным Австрией приветствовать молодого монарха, совершенно ясно заявил о своём намерении немедленно покончить свои разногласия с султаном и силой оружия установить автономию Греции. Каннинг знал о военных приготовлениях на юге России и о формировании русского флота на Севастопольском рейде. Поэтому он решил идти на все уступки, лишь бы было заключено соглашение.

В результате петербургских переговоров 4 апреля 1826 г. был подписан греческий протокол, который в некоторых пунктах зашёл значительно дальше того, что было желательно для Каннинга. Протокол, предусматривавший предоставление Греции автономии с условием уплаты султану ежегодной дани, должен был стать основой англо-русского посредничества между двумя воюющими сторонами. Каннинг не смог достичь желаемой цели, и протокол, полностью совпадавший с планами Николая I по завоеванию русского влияния в Греции, ничем не «связал» русского императора. Основное содержание протокола по существу мало отличалось от «мемуара» Александра I от 9 января 1824 г., а параграф 3 был прямой победой русской стороны. Слова о том, что примирение между Портой и греками может совершиться при «общем или единоличном» участии сторон, по существу, развязывали руки России для «единоличного» воздействия на Турцию в случае «благоприятных обстоятельств».

В откровенном разговоре с австрийским послом в Константинополе, Оттенфельсом, русский посол Рибольтер заявил: «Только мы имеем намерение идти на это один, тогда как Англия этого не хочет»³⁴.

Параграф 5 протокола о взаимном отказе от территориальных приобретений и исключительных привилегий тоже не противоречил желаниям Николая I и, как показали дальнейшие события, не помешал ему действовать в полном соответствии с высказанными им намерениями. Этим соглашением Каннинг достиг, конечно, известного контроля Англии над действиями России, но в гораздо большей степени оказалась связанной с русской политикой сама Англия. В дальнейшем она была вынуждена подчиниться русской точке зрения и способствовать развязыванию той самой русско-турецкой войны, предостеречь которую был призван герцог Веллингтон, подписывая протокол.

«Когда Каннинг получил этот документ, — пишет княгиня Ливен, — он не был достаточно уверен, следует ли ему поздравить себя с успехом или же признать себя попавшим в ловушку, потому что документ содержал в себе многое, что выходило за пределы его инструкций и желаний. Англия оказалась окончательно связанной. Он довольно просто давал понять о своих колебаниях и даже сожалениях»³⁵. Каннинг считал, что Веллингтон в Петербурге был просто введён в заблуждение. «Если бы герцог был более тонок, — сказал он княгине Ливен, — он сыграл бы свою партию лучше настолько, чтобы не быть хотя бы одураченным»³⁶. Несмотря на это, Каннинг был в общем

³³ «The Unpublished Diary...», p. 110.

³⁴ Prokesh-Osten. Op. cit. Bd. V, S. 35.

³⁵ «The Unpublished Diary...», p. 133.

³⁶ Ibidem, p. 134.

доволен, что ему удалось поставить русскую политику в греческом вопросе под известный контроль Великобритании и избежать включения в протокол пункта о применении к Порте, в случае непринятия ею условий этого соглашения, «принудительных мер», на чём упорно настаивала Россия.

Союз России с Англией в самом остром политическом вопросе того времени и отход России от традиционной политики Священного союза означали крах политики Меттерниха, направленной на полное подавление греческого восстания и сохранение целостности феодально-деспотической Оттоманской империи. Подписание Россией и Англией протокола об автономии Греции и помощь греческому народу в его революционной борьбе нанесли непоправимый удар «священной теории легитимизма», являвшейся основой европейской реакции.

Однако Каннинг подписал это соглашение, главным образом, с целью связать Россию и удержать её от войны, а судьба Греции его волновала мало. После подписания греческого протокола все стремления Каннинга (равно как и Франции, присоединившейся к протоколу) были направлены на то, чтобы затормозить проведение в жизнь условий этого соглашения.

Русская дипломатия, искусно используя § 3 протокола, предоставлявший ей возможность в «крайнем случае» действовать в греческом деле единолично, оказывала постоянное давление на союзников, торопя их с заключением тройственного договора и требуя выработки секретной статьи, определяющей те принудительные меры в отношении турецкого правительства, которые сделали бы выполнение договора строго обязательным³⁷. Николай отказался подписывать договор без такой секретной статьи.

Опасаясь, что эти «принудительные меры» в конечном счёте неизбежно приведут к русско-турецкой войне и разрушат все построения английской дипломатии, Каннинг всеми силами старался замедлить ход переговоров о тройственном договоре, тем более что непрерывные поражения греков в период 1826 — 1827 гг. могли в недалёком будущем решить вопрос и без посредничества союзников в пользу султана. С большим трудом он согласился на подписание секретной статьи, выработанной русской стороной. Такую «принудительную меру», как «соединение эскадр договаривающихся держав с целью предупредить военные действия двух сторон и установить перемирие между ними», он рассматривал как демонстрацию, которая ни в коем случае не должна была кончиться войной, а лишь устроить султана³⁸. До самого последнего момента Каннинг не терял надежды на мирное разрешение вопроса.

Эта политика затягивания проведения в жизнь условий соглашения в значительной мере диктовалась настроением английской буржуазии, требовавшей мира во что бы то ни стало, а также упорными туркофильскими настроениями большинства кабинета и короля, о которых Ливен в своём донесении в ноябре 1826 г. писал, что «в британском кабинете старые защитники ещё борются за хорошо или плохо понятые интересы оттоманского правительства»³⁹. Несмотря на то, что большинство газет во главе с «Times» к этому времени были сторонниками политики Каннинга, в печати постоянно попадались заметки и статьи, свидетельствовавшие о сильных опасениях, вызываемых на бирже, в лондонском Сити, в среде торговой буржуазии, возможностью каких-либо серьёзных осложнений в Средиземном море. «Политики Сити счита-

³⁷ Мартенс. Указ. соч. Т. XI, стр. 345—347, 355; Архив МИД. Канц. 1826, 6958, стр. 55—59, 60—63; Prokesh-Osten. Op. cit. Bd. V, S. 9—18.

³⁸ Это достаточно ярко выразил Веллингтон в беседе с Николаем I. Prokesh-Osten. Op. cit. Bd. V, S. 205—206.

³⁹ Архив МИД. Канц. 1826, 6958, стр. 58.

ют, — пишет «Times», — что интересы всех партий и особенно Сити требуют, чтобы дело кончилось самым дружеским образом и привело к полному умиротворению»⁴⁰.

В дальнейшем с очень большим волнением обсуждался вопрос о возможности отъезда послов и прочих «мерах принуждения» в отношении к Порте. Вследствие этих настроений Каннингу приходилось изыскивать всевозможные способы, чтобы идти по намеченной линии в ногу с Россией, не давать ей основания отказываться от сотрудничества с Англией и начать действовать единолично. И в то же время он прекрасно понимал, что мирным путём почти невозможно добиться от Дивана согласия на греческую автономию, когда турецкие армия и флот в союзе с египетскими силами успешно добывают остатки революционных очагов в Греции.

Нерешительность Англии, а затем и явный саботаж со стороны реакционного правительства Франции привели к тому, что активность, инициатива и, по существу, руководство в союзе перешли к России. Русская дипломатия всё время держала будущих союзников под угрозой немедленного единоличного выступления и этим добила уступок.

Из донесения Ливена от 15(27) ноября 1826 г. о его беседе с Каннингом вполне ясно выступает та затруднительная позиция, в которой оказался этот министр. Он был совершенно искренен, когда выражал Ливену свои опасения. Если средства уговоров и мирной медиации проваливаются, то как он ответит английскому кабинету, королю и «общественному мнению» за военные действия в Средиземном море с участием английского оружия? А с другой стороны, как оправдает он свою безучастную позицию в случае, если не пойдёт вместе с Россией и она расправится с Турцией сама? Он знал, что последнее будет означать поражение английского дипломатического престижа, уменьшение политического влияния Англии в Османской империи и, может быть, ущемление английских экономических интересов в средиземноморской торговле. Первое в крайнем случае могло привести к отставке его самого с поста министра иностранных дел. Повидимому, Каннинг решил предпочесть первую возможность второй и, рискуя своим политическим положением, сохранить интересы Великобритании.

После 15-дневной дискуссии он наконец сдался и признал право русского кабинета настаивать на своей точке зрения. Он попросил Ливена представить ему официальную ноту, на которую дал официальный ответ. Русская нота, отправленная Ливеном Каннингу 19 ноября 1826 г.⁴¹, содержала в себе все те аргументы и требования, которые русский посол излагал английскому правительству со времени подписания протокола. Там вполне официально заявлялось, что император решил, не теряя времени, осуществить план умиротворения Греции, что он решился на крайние меры и что он желает придти «к конфиденциальному взаимопониманию» с английским кабинетом в отношении дальнейших совместных демаршей.

Ответ Каннинга на эту ноту, данный 20 ноября⁴², был чрезвычайно характерен для всей английской политики в этом вопросе. В ней, говоря о необходимости «консультаций и обсуждения» вопроса совместно с другими европейскими державами, Каннинг писал: «Мы прилагаем все усилия, чтобы повести за собой другие державы, но мы должны будем считать, что условия протокола не перестанут существовать в случае их отказа, и в этом случае готовы идти с одной Россией в деле умиротворения». По мнению Ливена, эта нота дала «достаточную

⁴⁰ «Times», 24 September 1827.

⁴¹ Архив МИД. Канн. 1826, 6958, стр. 60—63.

⁴² Там же, стр. 63—65.

гарантию для оправдания тех шагов, которые мы немедленно предприняли вместе с министром иностранных дел»⁴³.

Характерным явилось то, что с начала царствования Николая I роли переместились: теперь уже не русский император думал о европейских союзниках, а Каннинг, раньше стремившийся всячески от них отделаться. «Один факт принятия моей ноты от 17(28) ноября, — пишет Ливен, — в условиях той непреклонности, которой наш двор подчиняет все дальнейшие свои шаги, и тех заявлений, которые мы сделаем немедленно после получения ответа британского правительства, представляет собой молчаливое согласие с точкой зрения нашего двора»⁴⁴.

В феврале 1827 г. в Англии начался министерский кризис. Лорд Ливерпуль, пораженный апоплексическим ударом, ушёл в отставку и место премьер-министра некоторое время оставалось вакантным. В этот напряжённый момент вопрос о греческой независимости, казалось, зависел от исхода борьбы между Каннингом и Веллингтоном за пост премьер-министра. Меттерних справедливо считал, что в случае победы Веллингтона с делом греков будет покончено. Без сомнения, торийский кабинет, возглавляемый крайним реакционером и «протуркистом», не пошёл бы даже и такими осторожными шагами, которыми шёл Каннинг, и готовящийся договор трёх держав мог легко провалиться. Поэтому австрийский посол Эстергази всеми силами поддерживал кандидатуру герцога. Ливены же употребили всё своё влияние и на короля и в английском обществе, чтобы укрепить и возвеличить кандидатуру Каннинга⁴⁵.

Каннинг в то время был наиболее могущественным человеком в Англии. Он поддерживался почти всей прессой, умеренная оппозиция неизменно шла за ним в обеих палатах. Своей внешней политикой, удовлетворявшей запросы английской буржуазии, и поддержкой свободной торговой политики Гускиссона он завоевал симпатии широкого общественного мнения в своей стране. Даже сам Веллингтон в беседе с княгиней Ливен откровенно признался, что если Каннинг покинет кабинет, то он не продержится и недели⁴⁶.

В конце апреля Каннинг был назначен премьер-министром Великобритании. Последняя надежда Меттерниха на срыв договора провалилась. Став премьер-министром, Каннинг, несмотря на резкую оппозицию почти всех министров, повёл дело прямо к подписанию договора.

Договор трёх держав был наконец подписан 6 июля 1827 года⁴⁷. Открытый трактат лишь с очень незначительными изменениями повторял условия англо-русского протокола 4 апреля 1826 г., который, как уже было показано, в свою очередь почти полностью был основан на меморанде Александра I об умиротворении Греции от 9 января 1824 года.

В инструкции русскому агенту в Смирне Тимони Нессельроде так суммировал сущность договора: «Вы сообщите им (грекам), что договор, заключённый между Россией, Англией и Францией, утверждает за ними под сюзеренитетом Порты и под условием дани и некоторых других денежных жертв национальную администрацию, полное отделение от турок и совершенную религиозную, торговую и гражданскую свободу»⁴⁸.

Для Каннинга весьма характерны мысли относительно второго пункта договора — об определении размеров греческой территории, —

⁴³ Архив МИД. Канц. 1826, 6953, стр. 56.

⁴⁴ Там же, стр. 57.

⁴⁵ «The Unpublished Diary...», p. 121—122.

⁴⁶ Ibidem, p. 122.

⁴⁷ Мартенс. Указ. соч. Т. XI, стр. 355—362.

⁴⁸ Архив МИД. Канц. 1827. 2363, стр. 201.

рысказанные им ещё в январе 1827 г. по поводу аналогичного § 4 апрельского протокола. В своей беседе с австрийским послом в Лондоне, Эстергази, он вполне откровенно сказал следующее: «В смысле внешнем территория должна быть ограничена таким образом, чтобы легче было организовать оборону и избежать частых иностранных вмешательств... По соображениям гуманности было бы желательно, насколько возможно, расширить границы территории, к которой это будет применимо, но на практике другое дело. Мы не будем требовательны на этот счёт, и мне, в частности, кажется более предпочтительной даже очень ограниченная территория... территории очень расширенной, которая непременно станет театром многочисленных внутренних раздоров, которые в свою очередь спровоцируют и приведут к осложнениям внешним»⁴⁹.

На это Эстергази в своей депеше Меттерниху сделал следующее совершенно справедливое замечание: «Ясно, что это основа мыслей господина Каннинга. Он не только не стремится расширить сферу распространения до очень больших масштабов, но он желает, быть может, ещё более горячо её урезать и ограничить такими рамками, которые он только что назвал минимумом... Если могло ещё оставаться сомнение, то оно исчезнет перед той очевидностью, что здесь дело идёт не о страдающем человечестве в Греции, а о прямом интересе «Англии»⁵⁰.

Такие желания Каннинга основывались на опасении возможного роста русского влияния в Греции. «Иностранные вмешательства» и «внешние осложнения», упоминаемые Каннингом, относились главным образом и почти исключительно к России. Тем же соображениями руководствовался английский кабинет, возглавляемый Веллингтоном, когда он так упорно боролся за ограничение территории свободной Греции во время последовавших в начале 1829 г. переговоров об её окончательном устройстве⁵¹. Чтобы избежать предлога для русского вмешательства в греческие дела, Каннинг быстро согласился и на пункт о полном территориальном разделении греков и мусульман и выкупе турецкой собственности. Контакт греков с турками, сказал он Эстергази, может привести в дальнейшем к внутренним осложнениям, что может побудить Россию к выступлению на защиту покровительствуемых христиан⁵².

Во всей истории подписания договора главным и основным в английской политике оставалось всё то же стремление урезать во что бы то ни стало возможность распространения русского влияния в Греции и создать наиболее благоприятные условия для влияния Великобритании. Однако России удалось провести до конца почти все свои предложения и, главное, добиться включения в трактат секретной статьи о «принудительных мерах» — единственного средства для обеспечения выполнения условий конвенции, русской же стороне удалось добиться того, что в договоре полностью отсутствует намёк на руководящую роль Великобритании, которая, по первоначальной мысли Каннинга, должна была быть главным представителем Союза перед Портой и предложить ей медиацию, только поддерживаемую другими державами. В договоре все три державы выступали как вполне равноправные союзники, готовые на единые действия.

Последующими действиями Каннинга руководили всё те же опасения английского буржуазного мира, что Англия может оказаться втянутой в военные действия, сулящие России более ощутительные преимущества, чем Великобритании. Вполне понятно поэтому, что

⁴⁹ Prokesh-Osten, Op. cit. Bd. IV, S. 313.

⁵⁰ Ibidem, S. 314.

⁵¹ Мартенс. Указ. соч. Т. XI, стр. 387—401.

⁵² Prokesh-Osten, Op. cit. Bd. IV, S. 313.

Каннинг не хотел, чтобы дело дошло до военных действий. В своём последнем письме Стратфорду Каннингу, новому британскому послу в Константинополе, он писал: «Существо этого соглашения, являющегося мирным вмешательством, подразумевает дружескую демонстрацию силы»⁵³.

Каннинг умер 8 августа 1827 г., не успев дать никаких конкретных инструкций относительно линии поведения адмиралу Кодрингтону, командующему английской военно-морской эскадры, посланной, согласно договору, в Средиземное море.

Сменивший Каннинга на посту премьер-министра лорд Годрич был совершенно беспомощен, так же как и министр иностранных дел Дедли. Последний, оставшись без руководящего гения Каннинга, вообще не принимал никаких решений. Правительство заняло выжидательную позицию. Оно не могло дать и, по существу, не дало никаких определённых указаний ни константинопольскому послу, ни адмиралу Кодрингтону.

В беседе с Ливеном Дедли откровенно признался, что «положение английского правительства крайне затруднительно, так как его обвиняют в слепом подчинении завоевательным планам России»⁵⁴. И в действительности после смерти Каннинга руководство действиями союзников осталось целиком в руках России.

20 октября 1827 г. при Наварине соединёнными эскадрами трёх союзных держав был уничтожен турецко-египетский флот, посланный для окончательного покорения последних очагов греческой революции. Наваринская битва должна была спасти греков от полного разгрома и явиться прелюдией к окончательному выполнению условий тройственного договора.

Английское общественное мнение резко разделилось в оценке наваринских событий. Английский народ воспринял их как славу английского оружия и горячо приветствовал героев Наварина. Филэллинистический мир торжествовал победу, считая, что наваринская битва была блестящим началом окончательного освобождения Греции. На сессии парламента, осенью 1827 г., Джон Россель, одобренный большинством партии вигов, заявил: «Я решительно того мнения, что эта блистательная победа была необходимым результатом лондонского договора»⁵⁵.

Но король и тори составляли лагерь враждебный. На открытии сессии парламента, в январе 1828 г., король, упоминая о наваринской битве в своей тронной речи, назвал её «досадным событием»⁵⁶. И под большим давлением общественного мнения и политической необходимости подписывая приказ о награждении Кодрингтона, он написал на полях: «Я посылаю ему ленту, хотя он заслуживает верёвки»⁵⁷.

Мнение короля целиком разделяли возглавляемые герцогом Веллингтоном тори, которые через два месяца после Наварина, сбросив министерство Годрича, пришли к власти. Мнение короля разделяли не только тори, но и большинство старых политиков из вигского лагеря.

Нежелание развязывать войну на востоке, боязнь усиления России и нарушения европейского «равновесия», страх перед всяким национально-освободительным движением и нежелание его поощрить — эти основы старо-английской консервативной политики вновь возторжествовали. Вся дальнейшая политика английского правительства была направлена к тому, чтобы свести на-нет результаты, добытые

⁵³ Temperley «The Foreign policy of Canning», p. 403.

⁵⁴ Мартенс. Указ. соч. Т. XI, стр. 367.

⁵⁵ Parliamentary debates. 1827.

⁵⁶ Ibidem, 1828.

⁵⁷ «The Unpublished Diary...», p. 131.

тремя соединёнными державами в борьбе за греческую независимость. Стратфорду Каннингу были немедленно посланы инструкции «извиниться» перед султаном и убедить его в том, что за «досадным событием» в Наварине не последует никаких решительных действий.

В начале 1828 г. Кодрингтон был отозван и вскоре получил отставку. Это было вполне ясным публичным отречением от наваринского дела. Все дальнейшие переговоры — января — апреля 1828 г. показали, что английское правительство запуталось в собственных противоречиях. Оно не могло денонсировать тройственное соглашение, потому что интересы Великобритании требовали проведения трактата в жизнь, но оно не желало также ни участвовать в войне против Турции, ни допустить единоличного выступления России. Эти противоречия и вызванные ими колебания самым неизбежным образом привели к русско-турецкой войне. Уверенность в том, что ни Англия, ни Франция не намерены воевать и будут всеми силами удерживать от этого Россию, привела Турцию к упорному сопротивлению и к вызывающим действиям, давшим повод к объявлению ей Россией войны (26 апреля 1828 года). Отказываясь от дальнейших решительных мер и доведя дело до русско-турецкой войны, Англия и Франция отдали, по существу, дело освобождения Греции в руки одной России.

Оценивая соотношение политических сил в восточном вопросе, К. Маркс писал следующее: «В то время как Россия совершенно спокойно и не боясь ничего, совершала своё дело раздробления Турции, западные дипломаты продолжали гарантировать и поддерживать *status quo* и неприкосновенность Турции»⁵⁸. «В чём состоит этот *status quo*? Для христианских поданных Парты он обозначает лишь увековечение их угнетения Турцией. И пока они будут стонать под игом турецкого владычества, они будут видеть в главе греческой церкви, в повелителе шестидесяти миллионов православных, своего естественного защитника и освободителя. Та самая дипломатическая система, которая изобретена специально для предотвращения русских захватов в Турции, вынуждает десять миллионов греческих христиан в Европейской Турции обращаться к России за помощью и защитой»⁵⁹.

Консервативная политика английских тори, желавших во что бы то ни стало сохранить нетлещую, развалившуюся феодально-деспотическую Османскую империю, всеми силами старалась тормозить дело, начатое Каннингом, а затем свести его на-нет. Но интересы свободного капиталистического развития Великобритании требовали укрепления английского политического влияния в Средиземном море и восстановления экономических сношений с независимым греческим народом. Поэтому английским консерваторам, несмотря на всё их противодействие, не удалось похоронить греческого трактата, и в октябре 1829 г. соглашением трёх держав была установлена полная независимость Греции.

⁵⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. Т. IX, стр. 394.

⁵⁹ Там же, стр. 393.